

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

И. И. ВАРЬЯШ

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ ПОЛЕМИЗИРУЯ С Л. П. РЕПИНОЙ...

Автор предлагает комплексный анализ содержания книги Л.П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.» и некоторые критические размышления над современным состоянием исторического сознания.

Ключевые слова: гуманитарное знание, история исторической науки, историческое сознание, теория и методология истории, «территория историка».

В начале третьего тысячелетия нет нужды доказывать роль интеллектуального труда в развитии человеческой цивилизации¹.

Современные гуманитарии слишком хорошо знакомы с кризисом самоидентификации, переписыванием картины мира, тяжким поиском новых ориентиров и разочарованиями, чтобы недооценить недавно вышедшую в свет книгу Л.П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.». Поднятые в этом труде проблемы заслуживают не столько кратких рецензий, сколько размышлений и научных дискуссий.

Монография явилась итогом многолетней работы автора в области интеллектуальной истории и истории актуальной исторической науки в целом. За текстом стоит стремление ищущего истину ученого найти удовлетворительный ответ по наболевшим вопросам. Удовлетворительный – разумеется, не в эмоциональном, а в познавательном плане, что выводит этот труд на высокий уровень теоретического осмысления через строгий анализ накопленного исторической наукой опыта.

Между тем, книга пока не вызвала широкого отклика на страницах профессиональных изданий². Еще более удивительным представляется

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с. Далее страницы книги даются в круглых скобках.

² Существует несколько небольших рецензий. Автор одной из них Д.М. Володин высоко оценивает труд Л.П. Репиной, определяя его как «анналы “историографической революции”», «краткую энциклопедию теоретических исканий в исторической науке за последние 20–30 лет», «“путеводитель” для тех, кто интересуется новейшими теоретическими разработками», прежде всего, видя в книге полезнейшее для российской науки осмысление интеллектуального «импорта». В то же время личный пессимизм Володина в отношении отечественной исторической науки, которой он отказывает в «активности методологической мысли», привел автора рецензии к

тот факт, что вокруг нее до сих пор не завязалось никакого научного спора или хотя бы полемического диалога. Хотелось бы думать, что это связано исключительно с медлительностью издательской машины, так как настоящий труд, раскрывающий глобальные темы развития исторического знания и исторического сознания, заслуживает самого пристального внимания. Книга не оставляет читателя пассивным, она увлекает, дарит радость интеллектуальных открытий и будит мысль. Даже занимаясь сюжетами, далекими от сферы научных интересов Л.П. Репиной сюжетами, читатель оказывается захвачен идеями автора, безупречной логикой, исследовательской деликатностью и вместе с тем смелостью.

Настоящее эссе родилось из чувства глубокой признательности автору за созданную возможность пережить захватывающий интеллектуальный опыт и из желания поделиться теми соображениями, которые пробудились при соприкосновении с «Исторической наукой...», так как некоторые важные, на мой взгляд, моменты не заинтересовали автора в должной мере, что не удивительно, учитывая огромный объем обработанной информации. Тем не менее, обойтись без осмысления этих моментов, о которых речь пойдет дальше, сегодня невозможно, ибо это может привести к обеднению, а затем и искажению перспективы.

Трудно переоценить значение труда, на первый взгляд обращенного к трактовке проблем и сюжетов, со многими из которых профессиональное сообщество именно благодаря Л.П. Репиной впервые познакомилось и получало исчерпывающую аналитическую информацию³. Можно возразить, что ряд сделанных в книге важнейших выводов уже известны и разделяются большинством, или что некоторая часть высказанных со-

ошибочному заключению, будто бы труд Л.П. Репиной «показал слабое место в позициях российской исторической науки» и «наше отставание в области теории». (Володихин. 2012). Справедливости ради следует заметить, что Л.П. Репина уделяет значительное внимание достижениям отечественных ученых и демонстрирует не только их весомый вклад в мировую историческую науку и общий потенциал российской гуманитарной науки, но и вовсе не раскладывает сферу познания по национальному признаку. Более того, именно в теоретических разработках соотечественников (Грановский, Карсавин, Барг) Л.П. Репина находит важнейшие идеи, касающиеся столь актуальных сегодня тем глобальной истории, уникального и индивидуального в истории, исторического сознания и др. См. также: *Лантвеа*. 2012; *Селунская*, 2012.

³ Достаточно вспомнить: *Репина*. 1998; 2010; 1999; 2003. Многочисленные публикации в основанных Л.П. Репиной периодических изданиях: «Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории», «Адам и Ева»; в сборниках, ставших итогом организованных ею научных проектов: *Образы прошлого и коллективная идентичность...*; *Междисциплинарный синтез в истории...*; *Новый образ исторической науки...*; *Междисциплинарные подходы...*; *История и память...*; *Диалоги со временем...*; *Образы времени...*; *Историческая наука сегодня...*

ображений в той или иной форме появлялась на страницах исторических сочинений (если хорошенько поискать, то многое из того, над чем мы сегодня задумываемся, найдется в книгах еще столетней давности, а то и раньше⁴), но очевидно, что и тогда, и сегодня они оказались недостаточно оцененными. Многие не были услышаны, другие не готовы были принять практически, иное вовсе прошло незамеченным. Принципиально важно было представить единым комплексом, под одной обложкой, массивный и в высшей степени разнообразный материал. Это способствовало не только созданию объемной картины современного гуманитарного (не ограничиваясь историческим) знания, но и наглядно продемонстрировало взаимосвязанность и взаимное влияние когнитивных практик самого разного порядка в едином познавательном поле человечества.

Непреренно следует взглянуть на очерченную в книге картину в комплексе ее деталей, проработанного основного рисунка и едва намеченных, интуитивно отображенных линий. Знакомство со всем корпусом исследования необходимо, если читатель стремится к объемному и живому представлению об историографическом процессе, хотя можно и стоит спорить о том, как автор его видит.

Книга предоставляет наглядное доказательство контекстуальной детерминированности и обусловленности исторической науки общими тенденциями развития всей интеллектуальной сферы. Переходя от одной исторической дисциплины к другой, подробно и внимательно изучая происходящие в ней изменения и основные направления в ее развитии, автор подводит к идее бесконечного многообразия и плюрализма в рамках актуального своеобразия интеллектуальной и, шире, социокультурной ситуации. Обнаруживается, что и локальная, и глобальная (со всеми промежуточными вариантами) история, и микро-, и макроистория, и персональная, и гендерная история, и интеллектуальная история и исследования межкультурных контактов подчиняются «вызовам» настоящего и в своем стремлении к обновлению проявляют типические именно для нашего времени стратегии. Изучение этих стратегий выявляет удивительную согласованность, казалось бы разрозненных усилий, позволяет определить признаки обновления на материале разных исторических дисциплин или направлений. Возможно ли за многообразием различить некий общий вектор движения?

Достаточно взглянуть на сухой список выделенных в Заключение к книге новых актуальных черт исторической науки, чтобы почувство-

⁴ Кстати, наследие классиков привлекает пристальное внимание Л.П. Репиной и интерпретируется в очень тонкой, бережной и одновременно актуальной манере.

вать масштабность созданного автором полотна и тех процессов, участниками и свидетелями которых мы являемся. Л.П. Репина обращает внимание на то, что «последние десятилетия XX и начало XXI века ознаменовались глубокими изменениями в структуре и содержании социального и гуманитарного знания, в самой методологии социально-гуманитарных наук» (С. 547). Автор видит проявление этих изменений в целом спектре новых для исторической науки характеристик.

Во-первых, речь идет об «отходе от бинарного мышления с его противопоставлением макро- и микроистории, структур и событий, рационального и иррационального» (С. 547, а также 324). Это положение дополняется развернутым обоснованием как присутствия в современной профессиональной истории осознанной потребности в генерализирующих и теоретических трудах (С. 148-149), так и в выходе на первый план изучения индивидуального, уникального, случайного (С. 555).

В сущности, впервые в отечественной исторической науке о необходимости видеть историю как всечеловеческий, всеобщий процесс через призму изучения индивидуума, всегда уникального человека, писал в начале прошлого века Л.П. Карсавин. Однако его идеи остались тогда идеями, которые к тому же разделяло и понимало меньшинство, а воплощать не был готов никто. Сегодня потребность во всемирной, глобальной, мировой истории способна легко сочетаться в интеллектуальном профессиональном пространстве с интересом к отдельному казусу, удивительной личности, неповторимому явлению, индивидуально-типическому; а ориентация большинства историков на изучение «конкретного прошлого» не отрицает необходимости методологических и сугубо теоретических работ. Такой поворот, «отказ от бинарного мышления», свидетельствует о процессе формирования принципиально нового сознания, готового ставить на порядок более сложные задачи и, если не решать их, то, по крайней мере, видеть их, различить в толще гуманитарного знания и в дымке прошлого. Перед нами – очевидное усложнение исторического сознания.

Другим характерным признаком современной исторической науки, по мнению Л.П. Репиной, является стремительное расширение «территории историка» (С. 547) под которым понимается «обновление методологической базы, существенное расширение проблематики и образование новых предметных полей» (С. 62, а также 337, 391, 503, 505 и др.). В непосредственной связи с этим процессом состоят «непрерывное формирование новых наддисциплинарных областей» (С. 553) и «количественный рост исторической продукции» (С. 547).

Ломка прежних представлений о дисциплинарных границах и выход к совершенно новым и немислимым для классической и модерной историографии сюжетам – будь то в предмете исследования, методологическом инструментарии или в интерпретационных моделях – которая, как казалось поначалу, грозила смертельной опасностью фундаментальной истории (С. 547), сегодня может быть осмыслена как закономерное стремление изменяющегося мышления пробовать на прочность старые формы, искать новые пути. И не потому, что старые – плохи, а потому, что идет научение думать по-другому. Воспринимающий аппарат, усложняясь, иначе производит интериоризацию информации, всякой, в том числе и о прошлом, и она предстает в бесконечной многомерности, внутренней взаимосвязанности уровней и форм, в отчетливой зависимости от воспринимающего сознания, которое не в меньшей степени подвергается рефлексии.

Не удивительно, что сегодня возникают «новые предметные области, по самой своей сути *над-дисциплинарные*» (С. 46).

В какой-то момент «территория историка» расширяется до предела, включая в сферу своих интересов и актуальность – в виде субъективного сознания самого историка как исследовательского предмета или объекта анализа. Эта экспансия, на событийно-практическом уровне ставшая результатом того вызова, который был брошен истории обществом, имела и «внутреннее измерение», подчинявшееся логике изменения исторического сознания в целом. Она отобразила огромный творческий и витальный потенциал науки (С. 550) и продемонстрировала в действии, следует добавить, социальную функциональность истории, о чем будет еще сказано немного позже.

За «отходом от бинарности» и за «расширением территории историка» в «Исторической науке...» следуют один за другим принципиальные для понимания нынешнего научного мышления «полицентризм современной историографии» (С. 552), «синтетический подход к познанию прошлого» (С. 551), «переход от каузального объяснения к контекстуальному» (С. 552, 225-226), трансдисциплинарность на качественно новом, синтезном, уровне (С. 552-553).

Полицентризм – точно и тонко найденный термин, описывающий «не n-мерную» ситуацию в фундаментальной науке: не авторитарную, не бинарную, не трехчленную, не четырехмерную... – а бесконечно разнообразную и находящуюся во внутреннем равновесии систему познания. Стоит ли говорить, что именно изменение этого параметра в когнитивной парадигме обеспечивает системе на современном этапе высокий темп развития и является залогом интеллектуальной плодо-

творности и общественной востребованности; что полицентризм современной историографии в условиях беспрецедентного количественного роста исторической профессиональной корпорации впервые получает реальную возможность быть воплощенным как средство многомерного восприятия мира.

Не случайно рядом с идеей полицентризма стоит положение о децентрализации исторической перспективы (С. 186), которое представляется очень важным для понимания произошедших перемен. Еще в конце 90-х Л.П. Репиной приходилось его отстаивать: «сильно выраженная профессиональная потребность в постоянной смене и комбинации перспектив с целью достижения целостного и всестороннего представления о предмете познания вовсе не является следствием научной недоразвитости нашей дисциплины, она лишь отражает ее специфику»⁵.

Сегодня, в общем и целом, с этим утверждением вряд ли кто-то захочет спорить всерьез. Следовало бы только добавить что это – уникальное свойство исторической науки. Оно должно быть не просто принято как проявление дисциплинарной специфики, но осмыслено в качестве важнейшего, сопряженного с актуальными потребностями общества свойства. Именно оно и наделяет историю способностью отражать в наиболее адекватном виде изменения, происходящие в общественном сознании в самом широком смысле. Децентрализация исторической перспективы, разумеется, находится в прямой связи с уже указанными выше процессами и представляет собой еще одно проявление усложняющегося интеллектуального пространства.

Потребность в многомерном изучении прошлого ощущается историческим сообществом весьма отчетливо и проявляется в осознании синтетичности мира и прошлого, которая предполагает изучение различных процессов, явлений и личностей в их взаимосвязи, без превалирования какого бы то ни было из «ведущих» факторов (С. 41), и в динамическом развитии, учитывая все возможные переплетения, в том числе и производных от связей их связей.

На сегодня – это пока больше теория, смелая греза, осуществление которой потребовало бы от человечества создания громоздких коллективов, о чем совершенно справедливо упоминает Л.П. Репина. Однако отнюдь не случайно в синтетном векторе развития гуманитарной науки автор видит важнейшую характеристику перемен. Масштабность представленного в книге историографического материала свидетельствует о том, что мечта о моделировании синтетического прошлого обретает

⁵ Репина. 1999 (а). С. 285.

сегодня гораздо более осмысленные и конкретные черты, а главное, осознается как неизбежное и неперемнное условие дальнейшего развития знания. Одним из путей приближения к синтетическому знанию можно считать трансдисциплинарность, предполагающую «попытку определить исследовательскую проблему в целостности, с учетом всех ее сторон и, придав им общий фокус, направить соответствующие дисциплинарные перспективы, методы, концепции в русло разработки общего подхода (С. 28). Л.П. Репина подчеркивает, что трансдисциплинарный подход не заимствует (в отличие от междисциплинарного) теории и методы других наук для решения внутридисциплинарных проблем, а генерирует такую проблему исследования, которая не может быть сформулирована и решена в границах любой из сотрудничающих дисциплин (С. 29). Со своей стороны хотелось бы подчеркнуть, что изменение интеллектуальных стратегий сегодня предполагает не только усложнение, расширение, многообразие познавательных форм, но и способность индивидуальных сознаний к совместному творчеству.

Открытие контекстуального подхода гуманитарной наукой, «широкое распространение понимания исторического контекста как ситуации, задающей не только социальные условия любой деятельности, но также конкретные вызовы и проблемы, которые требуют разрешения в рамках этой деятельности» (С. 552), и наметившийся в последнее время «переход от каузального объяснения к контекстуальному» также радикально изменили облик историографии, по существу определив зарождение совершенно новой по уровню осмысления методологии.

Конечно, о принципе историзма и высокой роли исторического контекста хорошо знали и раньше. Однако никогда еще этим вещам не придавалось столь глубокое значение, они не превращались в особый предмет научной рефлексии и не понимались так широко, многопланово и во взаимном влиянии составных элементов самой разнообразной природы. Рассуждая о проблематизации традиционных подходов к текстам исторических источников, Л.П. Репина указывает на «необходимость их «раскодирования» путем комплексной реконструкции социального, политического, духовного, интеллектуального и других контекстов, в которых они возникли, существовали, прочитывались и осмыслялись. По сути, такая полномасштабная реконструкция выходит далеко за рамки источниковедческого анализа и представляет собой собственно социокультурную историю» (С. 272-273). В данной исследовательской процедуре можно видеть и усложнение источниковедения, и гораздо более высокую степень сопряжения источниковедения с

исследовательской проблемой. Не менее интересно взглянуть на этот процесс еще шире – как на усложнение стратегий верификации знания.

Всякий раз, обращаясь к анализу различных исторических дисциплин или направлений (интеллектуальная история, историческая память, персональная история, социокультурная история, локальная история, микроистория) Л.П. Репина убедительно показывает, как и почему шло усложнение исследовательского поля, как менялись, переосмыслились и множились предметы исследований в рамках одного направления и чаще всего в результате учета достижений других направлений и дисциплин, что позволяет читателю, соприкоснувшись с живым материалом, почувствовать ту самую многомерность исторического интеллектуального пространства, которому свойственны полицентризм и тяга к синтезу, интердисциплинарности и новому уровню верификации знания.

Все это, по справедливому замечанию исследовательницы, свидетельствует об «изменении в качественных характеристиках современного исторического знания» (С. 547-548). Хотелось бы специально подчеркнуть, что в то же время перед нами постепенное, но радикальное изменение и всего интеллектуального контекста. Меняются не только когнитивные парадигмы и инструментарий, но весь облик исторической науки и ее восприятие в системе научного знания. Собственно, именно это и подразумевается, когда автор пишет о «сдвигах в области исторической эпистемологии», которые неразрывно сопряжены с изменившимся в научных интерпретациях восприятием времени, поскольку сегодня постепенно происходит отход «от линейных схем классических модернизационных теорий» (во всяком случае, он уже в полной мере свойственен современной глобальной истории) (С. 549, а также 161, 306) и с оформлением «нового представления об истории человечества в ее целостности и взаимосвязанности» (С. 548, подробнее в главах 4-6), о «когерентности мирового исторического процесса» (С. 549).

Л.П. Репина указывает: «освященный вековой интеллектуальной традицией идеал исторической когерентности в виде всеобъемлющего «гранд-нарратива» потерял свою актуальность для современной исторической науки, уступив теоретической модели многоуровневой динамики» (С. 161-162)⁶.

Происходящие в области познания перемены не могли не сказаться на восприятии науки и привели, по точному замечанию Л.П. Репиной, к открытию «историчности самого понятия науки» и к сосущество-

⁶ Тема динамизма в современной науке поднимается в книге не раз. См., напр., С. 438, где динамика выступает одним из фундаментальных принципов историзма.

ванию в современном интеллектуальном пространстве различных концепций научности: «вообще существенно переосмысляются критерии того вида человеческой деятельности, который называется наукой...» (С. 555). В этом – проявление только наметившегося движения к поиску новых форм науки, которые бы соответствовали не сугубо рационалистическому запросу, время которого явно подходит к концу, но отвечали бы современной потребности познания действительности во всей ее многомерности. Чем больше это движение совершается, тем более становится понятно особое положение и роль исторической науки.

Л.П. Репина в своей книге подчеркивает: «историческая наука, по сравнению с другими социально-гуманитарными науками, выступает как наука интегральная: она имеет дело в комплексе со всеми явлениями, которые изучаются этими науками порознь» (С. 555). Идея истории–матери всех наук, изучающей все, что угодно, лишь бы оно было покрыто патиной времени, высказывалась историками разных поколений. Но только сегодня заявка на интегральность выглядит убедительной, а на страницах «Исторической науки...» появляется как органическое следствие всего предыдущего развития науки и принципиальных перемен, происходящих в сфере гуманитарного знания. Надежды автора на то, что «обозначившийся на заре нового тысячелетия парадигмальный сдвиг способен вернуть истории веками принадлежавшее ей центральное место в культуре любой эпохи» (С. 17) по прочтении всей книги не выглядят странными и беспочвенными. Напротив, весь материал «Исторической науки...» говорит в их пользу.

В связи с этим представляется в высшей степени верным, что книга Л.П. Репиной наполнена не только аналитическим материалом, раскрывающим особенности актуального развития исторической науки, но и социальным контекстом современности с широкими выходами на общественную функцию истории как науки о прошлом⁷, на вопрос о роли этических профессиональных требований (С. 556)⁸.

Совершенно справедливо, что нынешняя историческая наука, то, как она видит свои задачи, совмещая разные планы, предмет и средства исследования, перекраивая и надстраивая дисциплинарные поля, или вдруг отказываясь от каких бы то ни было пространственных и временных границ, различая прямые и обратные связи, признавая множественность познавательных ориентиров и расширяя круг интерпретаций –

⁷ Гл. 11. «Связь времен: мост из прошлого в будущее» и др.

⁸ Интересен в этой связи и представленный в главе 5 материал о творчестве Т.Н. Грановского.

заявляет об усложнении структуры знания⁹. Однако только ли об этом могут сказать нам происходящие перемены? В чем собственно состоит новое качество знания или хотя бы в чем оно проявляется?

По всей вероятности, речь идет о постепенном вызревании таких новых интеллектуальных стратегий, которые требуют сознания иного уровня. Не случайно центральным предметом познания в философии XX века было человеческое сознание, а на рубеже тысячелетий историческая наука встала перед необходимостью осмысления двух реальностей – «объективной реальности природы и общества и, так называемой, субъективной реальности, складывающейся из совокупности социокультурных представлений» – в фокусе человеческого сознания (С. 44, 66). Закономерен и интерес к проблемам исторического сознания, родившийся еще в прошлом столетии, но приобретший особое звучание в начале нынешнего XXI века.

В «Исторической науке...» этой теме посвящена отдельная глава (см. гл. 11). К сожалению, ее положения и выводы, практически не отражены в общем Заключение, что лишает скорого читателя возможности даже приблизительно представить себе уровень заданных и обсуждаемых здесь проблем. Между тем, эта глава – одна из самых интересных и значительных в книге, в том числе и потому, что «на рубеже XX-XXI вв. проблемы исторического сознания заняли центральное место в мировой историографии» (С. 480).

Произошло это во многом вместе с новым осмыслением человеческого сознания в целом: с открытием всеобщности исторического сознания. Так, если модернистская наука возлагала исключительно на историков роль профессиональных творцов и хранителей памяти, то в постмодернистской парадигме коллективная память сама стала выражением исторического сознания (С. 481-482). Постепенно было признано и доказано, что не только профессиональные историки обладают специфическим сознанием, находящимся в постоянной взаимной связи прошлого и текущего момента, но и все человечество.

Перед нами – замечательный феномен переосмысления самого явления социального сознания, которое в начале третьего тысячелетия понимается как историческое. Важно различить здесь детерминированность всякого человеческого сознания и социального сознания в целом в его когнитивной и рефлексивной деятельности временем. Изучение исторического сознания сегодня позволяет ставить вопрос об изменении наших представлений о его природе, говорить об открытии его много-

⁹ С. 41, 45-47, 62, 75, 80, 117, 301, 326, 331, 355, 366, 493 и др.

сложности и отходе от рационального восприятия истории в пользу ментального (С. 471). Рассматривая концепцию Й. Рюзена, Л.П. Репина высоко оценивает его теорию *культурных универсалий исторического сознания*, которая предполагает «выход за рамки свойственных профессиональной историографии рациональных процедур познания в пространство базовых ментальных операций воспоминания, интерпретации и репрезентации прошлого...» (С. 493).

Наработки, осуществленные в исследовательском пространстве исторической науки, которое отличается высокой гибкостью¹⁰, наличием эвристического принципа непрерывно менять уровни и масштабы (С. 117), учитывать многие перспективы и быть готовым к инаковому, в том числе и в области опредмеченной деятельности человеческого сознания другой эпохи, демонстрируют способность актуального сознания к структурным изменениям, и, что еще важнее, предвещают радикальные сдвиги, предстоящие всему обществу.

Благодаря указанным наработкам можно сегодня говорить о высочайшем потенциале незаменимой «лаборатории прошлого», единственной хранильницы опыта человечества, и исторической науки, создаваемой профессиональными историками.

В трактовке Л.П. Репиной произошедшие на рубеже столетий один за другим эпистемологические «повороты» («культурный», «прагматический», «мемориальный», «визуальный», «пространственный» и другие) открыли перед исторической наукой новые перспективы (С. 557) и сделали возможным гораздо более оптимистический взгляд на будущее гуманитарной науки, чем столь привычные безотрадные констатации ее кризиса. Да и к самому кризису стали относиться иначе, вкладывая в это понятие не только негативное содержание.

Кроме того, обнаружилось, что последние десятилетия были временем постоянных поисков, в том числе и обновленной, преобразованной теоретической базы, и активного самопознания исторической науки, что уже на рубеже 1980-1990-х годов сделало возможной «задачу реконструкции ее нового целостного образа» (С. 48).

Л.П. Репина склонна определять актуальные процессы, протекающие в исторической науке, «как историографическую революцию» (С. 558)¹¹. Автор заключает: «новые явления в историографии послед-

¹⁰ Как замечает А. Про, даже понятия, заимствованные историей из других дисциплин, «претерпевают кардинальные изменения: они становятся более гибкими, теряют свою строгость и перестают употребляться в своем абсолютном значении». (Про. 2000. С. 140-141). Цит. по: Репина. 2011. С. 37-38.

¹¹ Здесь в выборе термина автор следует за Б.Г. Могильницким.

него десятилетия показывают, что пришло время “собирать камни” – дисциплинарная матрица обнаружила способность к восстановлению, и история сохраняет свое уникальное место в пространстве наук о человеке» (С. 550). Автор книги оценивает нынешнюю ситуацию в сфере фундаментального познания как «радикальную перестройку», которая уже сегодня означает выход к новым горизонтам и сулит «наступление нового витка эпистемологической и методологической модернизации исторической науки» (С. 558-559). Поражает удивительная тонкость и гибкость этого вывода: при всем победном и общевитальном тоне лишь предчувствие нового витка, без которого немислим облик Клио.

Может быть, действительно, не стоит увлекаться революционной терминологией. Тем более что речь идет о процессах большой длительности: трансформация сознания, безусловно, относится к таковым. То, что сегодня постигается ограниченность познавательных стратегий прошлого и прозреваются горизонты грядущего, не означает уже теперешнего достижения новой структуры сознания, о которой так очевидно – в качестве перспективы, общего вектора – говорят открытия Л.П. Репиной.

Скорее следует признать долгий и структурный кризис, который будет переходить из одной фазы в другую, подвигая человека ко все более полному и глубокому освоению возможностей сознания – с его способностью к восприятию синтетическому, динамическому, многоуровневому. Настоящая наука находится, по всей вероятности, в самом начале длительного пути. В этом смысле весьма показательно, с какой убежденностью и свободой Лорина Петровна может написать: «история... будучи призвана соответствовать потребностям современного общества и отвечать на все новые и все более трудные вопросы... неизбежно оказывается обреченной на постоянное переписывание и вовлекается в процесс непрерывной трансформации эмпирической базы и предметного поля, смены ракурсов и методов изучения, ключевых понятий и оценочных критериев» (С. 393).

Обреченность исторической науки на постоянную тотальную трансформацию обычно оценивается как первородный грех, врожденный порок, перед которым бессильны лучшие врачеватели. Противопоставление принятому пессимизму и ощущению неполноценности истории как науки понимания заложенного в истории, внутреннего социального двигателя, в сущности и обеспечивающего развитие, – огромный вклад в современную научную мысль. Собственно упреки общества и самоукоры историков здесь неуместны, ибо история всего лишь «отвечает на все более новые и все более трудные вопросы», которые перед ней ставит социум. Именно в этом и заключается гарантия будущего развития.

Возвращаясь к вопросу о нашем близком будущем, замечу, что следует различать перспективы интеллектуального сознания и судьбы науки. Если наука на ближайшие десять лет, допустим, призвана осваивать открывшиеся сегодня перспективы и чувствует себя пережившей критические времена и вышедшей обновленной и преобразованной, как утверждает Л.П. Репина, то трансформация сознания очень далека от этого. Начавшийся несколько сот лет назад процесс формирования нового сознания, отличного от традиционного и призванного вывести человечество на принципиально иной уровень осмысления и восприятия мира и себя в нем, сейчас достиг отрочества, которое характеризуется активной, подчас болезненной саморефлексией и приобретением навыков самоконтроля¹².

Благодаря труду Л.П. Репиной сообщество профессиональных историков может с облегчением констатировать исчезновение иллюзии собственной уникальности. Современные концепции метаистории¹³, права каждого на прошлое, память и сотворчество, хотя и не получили пока всеобщего признания, но продемонстрировали не столько уязвимость позиции профессиональных историков, как это обычно воспринимается, сколько повышение осознанной потребности общества в прошлом. Увеличение роли социума и каждого его члена в восприятии, трансляции, осмыслении опыта прошлого сегодня отрефлектировано и имеет ряд последствий, которые раскрывались профессиональному сообществу не сразу. Первой реакцией на утрату собственной уникальности, что закономерно, стала потеря идентичности, что быстро привело к созданию «фантома ненужности» исторической науки. В этой ситуации, угрожавшей самой жизни истории как дисциплины (во многом благодаря «лингвистическому повороту» и метаистории) историки открыли укорененность в прошлом каждого человека и общества в целом. Действительно, историки профессионалы в той же степени являются частью общества и эпохи, что все прочие его члены, и, соответственно, свойственное им, свойственно в той или иной мере всем (этот элементарный факт обычно подается в обратной связи).

¹² Идеи о способности науки смотреть на себя со стороны, о необходимости историкам осуществлять контроль над собственной творческой деятельностью высказываются сегодня в связи с дискуссиями о субъективности (С. 47, 121).

¹³ Понимается в современной историко-теоретической науке не как надмирный уровень человеческой истории, слитой с трансцендентными силами и провиденциальным смыслом, а как продукт и среда деятельности социально-культурного, а значит, в актуальной трактовке, и исторического сознания общества – всей совокупности индивидов, а не только профессиональной интеллектуальной группы.

Более или менее абстрактные, умозрительные рассуждения о связи прошлое–настоящее–будущее, в достаточном количестве присутствовавшие и в классической, и в современной историографии, теперь превратились в специальный предмет интереса, подверглись всестороннему осмыслению и обоснованию. Никогда еще человечество не получало в столь массовом и убедительном формате идею своей связанности с прошлым, как сегодня. Вместе с тем, по сути, автоматически была поставлена и тема постоянного пребывания человека и человечества в потоке времени, и обозначилась роль человека как медиатора темпоральных смыслов. В этом контексте трудно не заметить логически вытекающее повышение общественного значения исторической науки. Ведь «важнейшая функция исторической науки состоит в воздействии на общественное сознание, на представления людей об окружающем мире и об обществе, в котором они живут, а также о своем далеком и недавнем прошлом» (С. 23). В конечном счете, только историки обладают инструментарием, позволяющим обществу «читать» собственное отражение на поверхности времени. То, чем попрекали историков, обвиняя в субъективности, ограниченности личным нарративом, затем в социальной и культурной детерминированности, наконец, в присвоении памяти¹⁴, при пристальном рассмотрении оказалось в полной мере присуще всему человечеству. – Открытие, которое сегодня настолько не вызывает удивления, что его почти не замечают. Вернее, оставляют без внимания важные, вытекающие из него последствия.

Во-первых, хотя все это хорошо известно и давно отлито в метафору зеркала – де, история, сотворяемая в том числе и историками, отражает состояние общества (см., напр.: С. 278)¹⁵, – обычно в ней видят «палочку-выручалочку», снабжающую общество объяснительными интерпретациями и рецептами светлого будущего. Однако прагматизм и потребительский инстинкт современного социума мешает ему различить правду: история по-прежнему учит, воспитывает, объясняет, структурирует идентичность, даже предсказывает, но не там, где привычно все это искать. Не в событийно-предметном континууме, и не в узко-социальном пространстве, как от нее ожидают.

Актуальная история действует в реальности сознания. Она обучает человеческое сознание, воспитывает его, объясняет его, через него фор-

¹⁴ Л.П. Репина пишет о необходимости восстановления индивида в его праве и на коллективную, и на историческую память (С. 481).

¹⁵ Л.П. Репина уточняет, что метафора «зеркала» верна только в том смысле, что общество смотрится в него с целью самоидентификации, а не в поиске ауθεν-тичного отражения (С. 453-454).

мирует идентичность, являя основные направления развития сознания человечества, открывает доселе неведомые перспективы и различает далекие горизонты трансформации сознания.

Во-вторых, оказывается, что историки не только реконструированием конкретно-исторического прошлого отражают состояние настоящего. Более того, они не только проявляют его характерные черты и вектор развития через выбор предмета, методов, исследовательского инструментария. Самим способом мышления, уровнем собственного сознания, видом когнитивных стратегий и особенностями осмысления миропорядка историки бесконечно много важного рассказывают обществу о его движении в темпоральном потоке.

Отсюда, в-третьих, следует не просто восстановление позиций фундаментальной науки истории, но приобретение ею беспрецедентного значения. Совершенно верно утверждение Л.П. Репиной: «место “истории как строгой науки” в этом познавательном пространстве, действительно, становится значимым, как никогда прежде», ибо всякое знание исторично и познается историческим сознанием, т.е. сознанием, опирающимся на социальный и культурный опыт прошлого и существующий только в его контексте (С. 60, и в целом гл. 11. С. 451-502).

* * *

Осознание историками и теоретиками исторической науки – при разной исследовательской перспективе – насущной необходимости новой генерализирующей теории, о чем не раз упоминает в своей книге Л.П. Репина, есть, по всей вероятности, знак перелома, нового этапа в истории мысли и общества. Не обязательно в нем видеть выход из кризиса. Скорее – обещание далекого горизонта.

Те, кто на рубеже тысячелетий принял боль перемен и груз ответственности, преодолев страх и обретя бесстрашие, прозревает сегодня в темных глубинах кризиса, пугающего зыбкостью, относительностью и взаимосвязанностью всего и вся, многообразием и синтетичностью – прежде всего в сфере человеческого сознания. Однако деятельность этих тружеников и мыслителей зачастую кажется современникам-профессионалам само собой разумеющейся константой интеллектуального пейзажа, а все прочие современники, несмотря на то, что «нет нужды доказывать роль интеллектуального труда в развитии человеческой цивилизации» (С. 366), до сих пор в ней сомневаются.

«Историческая наука...» Лорины Петровны Репиной – это гимн интеллектуальному творчеству, с его неутомимым поиском истины и торжеством жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Володихин Д.М.* Рец. на кн.: Л.П. Репина. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: «Круг». 2011 // Новая и новейшая история. 2012. № 2. С. 199–201.
- Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. 800 с.
- Историческая наука сегодня: проблемы, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 608 с.
- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 768 с.
- Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой, Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2004. 169 с.
- Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна» / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005.
- Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. 288 с.
- Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. 960 с.
- Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2003. 408 с.
- Лантеева М.П.* Раздумья на полпути. О книге Л.П. Репиной // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Под ред. О.В. Воробьевой, З.А. Чеканцевой. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 391–400.
- Про А.* Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ, 2000. 336 с.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Репина Л.П.* Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998. 320 с.
- Репина Л.П.* Новая историческая наука» и социальная история. 2 изд., испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 320 с.
- Репина Л.П.* Комбинация микро- и макроподхода в современной британской и американской историографии: несколько случаев и опыт их прочтения // Историк в поиске. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 31–63.
- Репина Л.П.* О пределах плюрализма и преимуществах прагматизма // Историк в поиске. М.: ИВИ РАН, 1999 (а). С. 284–285.
- Репина Л.П.* Проблемное поле и когнитивный потенциал современного историографического исследования // Историк в поиске новых смыслов. Казань, 2003. С. 37–45.
- Селунская Н. Б.* Образ истории и личность историка (по поводу книги Л.П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика») // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. С. 375–390.

Варьяш Ирина Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; *variashi@gmail.com*